

DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-2-452-471

УДК 316.74

Original Paper

Оригинальная статья

Этническая и религиозная идентичность как ресурсы клиента в работе с психологом¹

Р.Х. Ганиева^{1а}

¹Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, г. Магас, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Резюме: Настоящая статья является продолжением серии статей, в которых на примере конкретного кейса показана положительная динамика психологической работы, опирающейся на ингушскую культуру и религиозные ценности. В первой статье серии «Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект (разбор случая)» на примере отношений отца и дочери было описано содержание процесса психологического консультирования, выполненного с учетом этнокультурных и духовных особенностей клиента. Во второй статье «Консультирование в культурном и духовном контексте клиента (разбор случая)» раскрывается процесс культурно ориентированного консультирования на примере отношений отца и сына. Результаты исследования показали, что мультикультурная компетентность терапевта обеспечивает ему не только высокий уровень доверия клиента, но и профессиональный подход, базирующийся на использовании в терапевтической работе этнорелигиозных ресурсов. В данной статье раскрывается процесс культурно ориентированного консультирования на примере отношения женщины к ее без вести пропавшему мужу.

Ключевые слова: кросс-культурное консультирование; культурный и духовный контекст клиента; этническая идентичность; религиозная идентичность; неопределенная потеря

Для цитирования: Ганиева Р.Х. Этническая и религиозная идентичность как ресурсы клиента в работе с психологом. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(2):452-472
DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-452-472

¹ Настоящая статья является продолжением серии статей: Ганиева Р.Х. Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):196-216. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216; Ганиева Р.Х. Консультирование в этнокультурном и духовном контексте клиента (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(3):703-726. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-3-703-726

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution

4.0 License.

Ethnic and religious identity as a client's resources in working with a psychologist²

R.Kh. Ganieva^{1a}

¹*The Ingush Scientific Research Institute of the Humanitarian Sciences after Chakh Ahriev, Magas, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Abstract: This article is a part of series of articles, and demonstrates positive dynamics of psychological work within the framework of a specific case activity based on Ingush culture and religious values. In the first article of the series “Multicultural approach in psychological counseling: ethnoreligious aspect (analysis of case)”, using the example of father-daughter relationship, we described the content of the process of psychological counseling, performed considering ethno-cultural and spiritual characteristics of a client. In the second article, “Consulting in the client's ethno cultural and spiritual context (case analysis)”, the process of culturally oriented counseling is revealed on the example of the Father-Son relationship. The results of the study revealed that the multicultural competence of a therapist, based on the use of ethno-religious resources, serves as a bed for a high level of trust from a client and displays a professional approach based on the use of ethno-religious resources in therapeutic work. This article describes the process of culturally oriented counseling on the example of a woman treated on the basis of analysis of her attitude to the fact of her missing husband.

Keywords: cross-cultural counseling; client's cultural and spiritual context; ethnic identity; religious identity; uncertain loss

For citation: Ganieva R.Kh. Ethnic and religious identity as a client's resources in working with a psychologist. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(2):452-472 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-452-472

Введение

Потеря близкого человека – огромное испытание для всех его родственников. Профессиональная психологическая помощь сразу после трагического события помогает на какое-то время справиться с горем. Но неопределенность положения и невозможность оплакать близкого человека, длящиеся годами, делают одноактную психологическую помощь малоэффективной и

² Ganieva R.H. Multicultural approach in psychological counseling: ethno-religious aspect (case analysis). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):196-216. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216; Ganieva R.H. Consulting in the ethno-cultural and spiritual context of the client (case analysis). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(3):703-726. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-3-703-726

приносящей лишь временное облегчение. Многие психологи, пытаясь помочь родственникам пропавших без вести, не всегда учитывают особенности переживаний и недооценивают постоянство стресса, возникающего в связи с неопределенностью и неясностью положения. В этом случае особенно важен поиск ресурсов, позволяющих восстановить психологическое здоровье личности.

Рассмотрим на примере конкретного кейса ресурсы этнической и религиозной идентичности в работе с родственником без вести пропавшего.

Случай из практики

На консультацию к психологу обратилась Елена, 30 лет. Она родилась и выросла во Владивостоке, воспитывалась в детском доме. Ее родители живы, но семья неблагополучная, мать сидела в тюрьме. Родной брат Елены умер; есть сестра, проживающая во Владивостоке.

Из рассказов клиентки узнаем, что в детском доме она активно участвовала в художественной самодеятельности: каждый день в течение месяца давала по два концерта; в шесть утра учительница поднимала ее и заставляла петь в церкви.

Елена окончила колледж, затем Владивостокский университет по специальности «Менеджер-экономист». В 23 года девушка приняла ислам и взяла имя «София». Рассказывает, что ей с детства было интересно знать, как живут мусульмане. София познакомилась со своим будущим мужем, ингушом по имени Хамид, в интернет-пространстве и 3 года общалась с ним по телефону, так как он находился в местах лишения свободы.

В 2011 молодой человек освободился и приехал к ней во Владивосток. *«Он стал для меня мамой, папой, братом, сестрой, – признается клиентка. Я стала носить платье, до этого в моем гардеробе были только брюки. И свадьба у нас была простая. Я сказала: “Уходишь в море (Владивосток, Японское море) – надо расписаться!”»*

С мужем Елена прожила 5 лет. В этом браке родился сын, которому скоро будет 3 года. Ребенок часто задыхается, аллергия, ларинготрахеит. Сама София все время на диете, проблемы с желудочно-кишечным трактом.

Девушка взяла в банке кредит, помогла сделать мужу документы моряка. Со слов Софии, он хотел хорошую работу. *«Он хорошо зарабатывал, – говорит София. Мы здесь купили квартиру».* Полтора года назад муж пропал без вести. Ушел в море и не вернулся.

После пропажи мужа София переезжает в Ингушетию, к его родителям, где живет уже более года. На первую консультацию она пришла в сопровождении своей свекрови.

Вот как Елена описывает свои переживания:

Во сне он мне говорит: «Тебе нужно отсюда, из Владивостока, уехать». Потом любовная связь, и я просыпаюсь. Мне плохо...

Самый первый сон: я видела дом, в котором я живу, много родственников. Я бегу, плачу, но он говорит: «Все, все, я же приехал!»

Я вижу судно огромное, ржавое, как будто на Сахалине, все идут, а я говорю: «Хамид где?» Он идет последним. Он говорит: «Ну, все, все, я же уже здесь!» Снится, что он обижается на меня.

Яркие и тревожные воспоминания – ранний утренний подъем по требованию учительницы и принуждение петь в церковном хоре. У клиентки трудное детство: детский дом и, как следствие, проблемы с общением, ориентир на противоположный пол. Поиск чего-то необычного в жизни, смена вероисповедания.

Диагностика и клиническая беседа показали, что у Софии нарушенные взаимоотношения с отцом, повышенная тревожность, зависимость от отношений, потребность в эмоциональной поддержке родных и близких.

По мнению отечественных психологов (И.В. Дубровина, М.А. Егорова, Г.С. Красницкая, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др.), воспитанники детских учреждений отличаются низким социальным интеллектом, отсутствием потребности в познании, дефицитом волевого развития, несформированным профессиональным предпочтением, гипертрофированной зависимостью от

обстоятельств, неспособностью противостоять событиям и влиять на их ход, осуществлять осознанный выбор.

В ходе терапевтической работы у Софии выявлена сильнейшая зависимость от отношений: *«Он [супруг] стал для меня мамой, папой, братом, сестрой»*. София видит смысл жизни в другом человеке, в партнере. Все ее внимание сосредоточено на нем, на его мыслях, чувствах, мнении. Сейчас, когда этот человек пропал без вести, ее накрывает пустота.

Это происходит потому, что она выбрала себе соответствующий паттерн поведения, ей так безопасно, привычно, и, когда это разрушилось, стало страшно и тревожно, не только без него, но и с самой собой, потому что за пять лет муж стал таким знакомым и родным, а для себя она стала чужой и неизвестной. И на вопрос *«Что ты чувствуешь сейчас?»* – тишина и пустота.

Она знала, что чувствует партнер, но не знает, что происходит с ней. В ходе терапевтической работы Софии нужно вернуть фокус внимания с пропавшего Хамида на себя, познакомиться с собой, со своими чувствами, эмоциями, болями и радостями, принять свои сильные и слабые стороны, найти ресурсы, чтобы не бояться неопределенности.

В ходе работы выяснилось, что Софию беспокоило здоровье ребенка, склонного к аллергическим реакциям, которые зачастую носят психосоматический характер и появляются при чрезмерном стремлении к чистоте, из-за страха перед животными, при употреблении каких-либо продуктов в состоянии стресса или как внутренний запрет на удовольствия.

При нарушении семейных взаимоотношений ребенок направляет негативные эмоции на свой организм, где они проявляются аллергией. Аллергия возникает у детей, которых заставляют что-то делать вопреки их желанию. У детей, пребывающих в состоянии самоподавления, аллергия является средством получения родительской ласки и любви. Если развиваются аллергические реакции у грудных детей, которые не переживают сильных эмоций (вина, обида и т.д.), следует обратить внимание на детско-материнские отношения. По мнению Н.Ю. Дмитриевой, кожные проявления аллергии го-

ворят о наличии у ребенка неосознаваемой вины и чувства одиночества [1, с. 103–107].

София обеспокоена и собственным состоянием желудочно-кишечного тракта. С точки зрения психосоматики, болезни желудка связаны с принятием. Желудок говорит, что нужно избавиться от стремления все контролировать, начать прислушиваться к другому мнению и доверять людям так же, как доверять своему желудку переваривать то, что человек ест. Поскольку желудок расположен рядом с сердцем, необходимо все принимать с любовью: все люди разные, почти в каждой ситуации есть что-то хорошее. Если научиться более терпимо относиться к людям и разнообразию жизненных ситуаций, то желудок станет проявлять большую терпимость к тому, что в него помещают.

Для того чтобы вывести девушку из деструктивных эмоций, была использована методика арт-ре-транса Р.А. Зотовой-Масс, основной составляющей которой является арт-терапия. Она позволяет выйти из ситуации неосознаваемости причин подавленных состояний и проработать деструктивные переживания [2, с. 133–134].

В связи с тем, что интегративный подход обеспечивает психологу профессиональный успех, данный метод мы сочетали с другими психокоррекционными подходами.

Чтобы проработать эмоциональное состояние и душевные переживания клиента, Софии была предложена техника эмоциональной свободы (ТЭС). Эта методика, созданная Гарри Крейгом на основе существующей техники «Терапия жизненных полей» Роджера Каллахана, представляет собой акупрессуру (простукивание) определенных точек на теле [3, с. 90], удачное сочетание восточной медицины и западной психологии, подтвердившее на практике свою состоятельность. Эта техника рекомендована девушке и для самостоятельной работы дома. В результате применения методики София научилась понимать и принимать себя, любить себя и осознавать свои действия и поступки, признала необходимость поиска новых моделей конструктивного поведения.

Травмирующая ситуация, которая осталась не до конца пережитой, как известно, причиняет колоссальные страдания. Результаты наших исследований показывают, что родственники без вести пропавших находятся в состоянии маятника: их постоянно бросает от надежды к отчаянию, от отчаяния к надежде [4]. С целью восстановления способности мозга к саморегуляции, анализу и обработке большого количества информации, в том числе подсознательной, работы с чувствами и эмоциями, элиминации негативных паттернов и диспозиций и формирования позитивных чувств была включена в терапевтический процесс техника ДПДГ (десенсибилизация и переработка движением глаз). Методика позволяет наладить сбитые ритмы полушарий мозга определенными движениями глаз [3, с. 88].

Осознать, на какие ресурсы можно опираться, помогла техника «Как я справляюсь с этим сейчас? Как я справлялся ранее?» Девушка решила возобновить несколько увлечений, которые доставляли ей удовольствие и были для нее ресурсными, но из-за дефицита времени и стрессового расстройства были вытеснены [3, с. 86].

В отечественной психологии на протяжении многих лет первостепенное внимание уделялось изучению личностных конструктов, на периферии оставался вопрос принадлежности человека к группе. Согласно теории неопределенности-идентичности, индивид ищет группу, чтобы снизить чувство неопределенности. Подобные группы, по мнению М. Хогга [5], позволяют справиться с «парадоксом постмодернизма» и ответить на экзистенциальные вопросы: Кто я? Что мне делать? Как другие смотрят на меня? Следует отметить, что этническая и религиозная группы часто являются источником определенности, наполняя личность ресурсами, ценностями, сакральными смыслами, а также групповой поддержкой. Именно так произошло в случае с Софией. Конструирование новой этнической и религиозной идентичности стали для Софии источниками ресурсов [6; 7].

Групповая идентичность способствует снижению чувства неопределенности за счет той информации, которая соответствует прототипу. Хотя, по мнению М. Хогга, только прототипа недостаточно, ибо «... люди должны чув-

ствовать свое воплощение прототипа» [8, р. 594], т.е. человек должен быть уверен, что принят группой как полноценный представитель. Если человек попадает в ситуацию острой, перманентной, продолжительной неопределенности, группа с высоким индикатором этничности и религиозности может стать для него привлекательной, так как способствует снижению этого деструктивного чувства. Традиционное ингушское общество обладает строгими социальными нормами, правилами и ритуалами инициации. Валидизация социальной идентичности – главный момент для снижения неопределенности. Девушка отдала предпочтение этнической и религиозной группе, которая воспринимается ею как высоко энтитативная, обеспечивает ей другой социальный статус, ощущение *родства*, защиту и безопасность [9].

В ходе терапевтической работы эти две идентичности для Софии были актуализированы. Именно через призму этих идентичностей она интерпретировала себя, воспринимала других и выстраивала свое социальное взаимодействие. Состоявшаяся трансформация по этническому (ингушскому) и религиозному (исламскому) компонентам стала ресурсом для русской женщины.

Рассмотрим содержательное наполнение этнической и религиозной идентичности клиентки в контексте источников преодоления неопределенности.

Конструирование этнической идентичности

На наших терапевтических встречах психолог отметила неподдельный интерес Софии к ингушской культуре. Ее, выросшую в детском доме, привлекал коллективистический характер ингушского общества, обычаи и традиции ингушского народа [10]. Культура как базовая ценность вызывала у Софии оптимистический взгляд на мир.

Привлекательным для нее оказалось то, что ингуши уделяют большое внимание воспитанию человека и приступают к этому с самого раннего детства. Предельно внимательно слушала София информацию о том, как в Ингушетии еще с дошкольного возраста организуют «потешные» бои для

мальчика, чтобы освободить его от всего, что во взрослой жизни будет мешать ему быть разумным, достойным, стойким и решительным.

В ингушском обществе семья является подлинной ценностью и особым фильтром, через который проходит только та девушка, которая из множества сверстниц продемонстрировала свое значительное превосходство. Невеста, как только переступила порог нового дома, «зная “цену” своему слову, гордо-стыдливо молчит и не принимает никакого участия в дружном хохоте, стоящем вокруг нее. Как же! А ее статус? То, что его оценили по достоинству, мы увидим в конкретной сумме денег, которые вручит ей молодой человек, родственник мужа или кто-то из близких друзей в благодарность за оказанную ему честь (!!!) быть собеседником такой важной особы в такой особенно значимый» день в ее жизни [11, с. 156].

Ингуши всегда «встречали невесту в новой семье, ... как гостью, по поводу чего три дня и три ночи продолжался праздник, ... обращались с ней все это время как с особой важности персоной», «... встретили ее, поставили в угол как самую дорогую реликвию...» [11, с. 158].

Невеста-ингушка входит в дом супруга в качестве представительницы сильного и славного рода играть серию важных социальных ролей (дочери, сестры, снохи, матери, хозяйки) с одной ключевой задачей – укрепить отношения между двумя родами, приумножить силу и славу как своей родительской резиденции, так и резиденции супруга [11, с. 159]. До недавнего времени ингушская семья характеризовалась как крепкая, а семейные узы были самыми прочными и постоянными. Однако на сегодняшний день в республике очень остро стоит проблема разводов. Во все времена главным и бесспорным аргументом было то, что «нет у нее (невесты) обратной дороги ... (вот почему свадебный кортеж с невестой едет не той дорогой, которой ехали за невестой» [11, с. 155].

Что же происходит в ситуации межэтнического брака, когда неингушка становится невесткой в ингушской большой семье? В Советском Союзе поощрялись межэтнические браки. Их количество с каждым годом стремительно увеличивалось: в 1959 г. – 5,2 млн или 10,2% всех браков в стране, 1979 г. –

9,9 млн или 14,9%, а в 1989 г. – 12,8 млн или 17,5%. К концу 80-х годов в стране каждая шестая семья состояла из представителей различных национальностей [12, с. 76].

В годы депортации в Казахстан политика СССР была направлена на ассимиляцию депортированных народов. В январе 1945 г. было дано указание с таким содержанием: «Спецпоселенцы по национальности чеченки, ингушки, балкарки и карачаевки при выходе замуж за местных жителей, не являющихся спецпереселенцами, снимаются с учета спецпоселенцев и освобождаются от всех режимных ограничений» [13, с. 292].

После распада СССР, в связи с активизацией интереса к этничности, для ингушей более предпочтительными являются внутриэтнические браки. Согласно результатам исследований, проведенных в Ингушетии, только 2,5% ингушских респондентов относятся к межэтническим бракам хорошо, и около 20% – нормально [14, с. 182]. Опасения, связанные с последствиями межэтнических браков, касаются размывания традиций, утраты языка, конфликтов и непонимания.

Эндогамные (внутриэтнические) браки считаются более прочными, так как «когда брачные партнеры принадлежат к одной этнической группе, семейные взаимоотношения регулируются со стороны большого коллектива родственников и близких людей. В случае межэтнического брака подобная регуляция не работает» [15, с. 134].

В ингушском обществе нередко встречаются межэтнические браки, заключенные по той или иной причине. В подобных браках нередко происходит трансформация этнической идентичности супругов, чаще всего и в большей степени жены, которая становится не только частью родового коллектива мужа, но также и частью его этнической группы. Происходит формирование биэтнической идентичности.

Согласно ингушским традициям (так писал об этом Башир Далгат), в прошлом «после смерти супруга вновь можно вступить в брак жене не ранее двух-трех лет траура; по окончании срока перед браком вдовы делалась пирушка, варилось пиво, арака; устраивались скачки, резали быка, и вообще с

этих пор траур снимался, вдова освобождалась; она могла выйти замуж; ее брал обыкновенно родственник бывшего мужа» [16, с. 205–206].

С тех пор многое изменилось в трансформирующемся ингушском обществе. Национальные свадебные обычаи сегодня значительно сокращены и упрощены. Многие ритуалы и обряды утратили свой магический смысл и соблюдаются лишь условно. Традиционные обычаи сложно переплелись с тенденциями нового времени, но неизменным осталось одно: право выбора женщиной после смерти мужа своего дальнейшего жизненного пути. По окончании траура его родственники говорят овдовевшей снохе: «*Хьай ло! аме я хьо!*» («Ты вольна!»). Это означает, что она может выйти замуж, вернуться к своим родителям, остаться с детьми и т.д. При этом, согласно адатам, «дети вдовы редко удерживают ее (мать) от брака, потому что они не мешают ей выйти замуж, оставаясь у своих родственников по отцу. Но, конечно, мать, любившая мужа и детей, иногда ради них обрекает себя на безбрачие» [16, с. 205].

Нередко вдова остается жить в доме мужа, даже если у нее нет детей. В этом случае родственники мужа должны содержать ее и защищать. Для нашей клиентки, выросшей в условиях детского дома, семья мужа стала родной семьей, дав не только родственные ресурсы, но и те, что дает этническая культура. Отвечая на вопрос, кем она считает себя с точки зрения этнической идентичности, девушка задумалась и ответила, что в ней сейчас уже так много ингушского. И продемонстрировала свое знание ингушского языка.

Подобные примеры трансформации этнической идентичности в межэтническом браке фиксируются в психологических исследованиях. Так, в работе О.С. Павловой [15] описан такой факт: «Русская жена чеченца 43 лет на вопрос о том, кем по национальности она считает себя, ответила: “Чеченкой!” Судя по ответам на вопросы нашей анкеты, она очень хорошо осведомлена о характерных особенностях чеченской культуры, хотя *еще плохо владеет чеченским языком*» [15, с. 132].

София принята в семье, родственники мужа ее оберегают и помогают справиться с горем, поддерживают. Удваивание культурных архетипов за счет

актуализации биэтнической идентичности стало мощным психологическим ресурсом для клиентки, пребывающей в состоянии хронического стрессового расстройства. Девушка сконструировала свой мир, в котором есть место и национальному орнаменту, и религиозной каллиграфии. В этом пространстве она и ищет ответы на сложнейшие экзистенциальные вопросы. И в этом ей помогает синергия этнической и религиозной идентичности.

Ресурсы религиозной идентичности

В ходе терапии мы убедились, что для Софии вера является фундаментальной экзистенциальной ценностью и понимается ею, прежде всего, как встреча со Всевышним, как глубоко духовный акт обретения высшего смысла жизни и понимания собственной сущности.

Если человек пропал без вести и неясно, жив он или мертв, а также нет вероятности того, что он может находиться в плену, то такой человек в Исламе именуется «*мафкудом*». Среди мусульманских ученых нет единогласного мнения по поводу того, сколько времени должно пройти, чтобы сделать заключение о смерти пропавшего: должно ли для этого истечь 120 лет со дня рождения пропавшего без вести человека, или пройти не менее ста лет, или девяносто лет. Согласно распространенному мнению, показателем срока, который должен истечь, чтобы сделать заключение о смерти пропавшего, является уход из жизни его ровесников из числа односельчан.

Есть и другие взгляды учёных на эту проблему. Приводит Ибн Абу Шейба [17], с хорошим иснадом, а также Абд ар-Раззак [18] с достоверным иснадом: «Если он пропал в ряду (в бою), она ждет один год, а если не в ряду, то четыре года». Это же сказал имам Малик в одной из передач от него. В другой передаче сообщается, что он сказал: «Она должна ждать немного, столько, сколько ждут возвращения потерпевшего поражение» [19]. Затем необходимо держать «*'идду* очищения – 4 месяца и 10 дней» как за «умершего мужа», и потом она имеет право выйти замуж.

В связи с тем, что в наше время есть большие технические возможности и способы для поиска пропавших без вести людей, период ожидания может быть менее продолжительным, чем это определяли ученые прошлых столетий.

тий. Шариатские судьи при вынесении своих решений о времени ожидания пропавшего без вести обращают внимание на обстоятельства, при которых он пропал, на положение в стране в то время, когда он пропал, и т.п.

Но если женщина желает оставить за собой право называться его супругой и соглашается жить и ждать его или остается ради ребенка, то это ее собственный выбор и ее собственное право.

В процессе терапевтической работы София продемонстрировала свою уверенность в том, что «все, что происходит в этом мире, – от движения крошечного электрона до смещения огромных галактик на небесах и от внешнего поведения людей до самых глубоких бессознательных мыслей в их психике – всё это полностью определяется и управляется Аллахом» [20, с. 171]. Религиозный тип осмысления бытия позволил девушке осознать, что в жизни «некоторые люди испытываются физическими заболеваниями, некоторые – потерей денег или жизнью родственников, а некоторые» [20, с. 168] – бесследным исчезновением близкого человека.

Чтобы София чувствовала себя более уверенной во все еще новой для нее культурной среде, на терапевтических сессиях мы говорили с ней о том, что в исламе нет национальной и расовой дискриминации. В 13-м аяте суры «Аль-Худжурат» говорится: «О люди! Поистине, Мы сотворили вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга. Воистину, самыми великодушными пред Аллахом среди вас являются те, кто наиболее набожен» [21]. Принадлежность к тому или иному племени, народу, этносу не является для человека превосходством.

Нравственной и ценностной опорой как для матери малолетнего ребенка для Софии стал хадис о том, что Пророк Мухаммад сказал: «Поистине, женщина, начиная со времени своей беременности и до тех пор, пока не родит, а также до отнятия ребенка от груди, получает награду, подобно тому, кто испытывает трудности на пути Аллаха! И если она умрет в этот период, то ей будет дарована награда мученика» [22].

В качестве важных составляющих терапевтической работы и поддержания психологического здоровья Софии было рекомендовано:

- читать аяты из Священного Корана;
- соблюдать добровольный пост (*сыям*);
- читать *дуа* Всевышнему с просьбой о здоровье и благополучии всем членам семьи, помощи в розыске своего мужа, мира и милости Всевышнего;
- больше времени уделять духовным и дополнительным видам поклонения, таким как добровольные молитвы и размышления (*та-факур*)» [20], так как «молитва является самой сильной формой энергии, излучаемой человеком, такой же реальной силой, как земное притяжение». Даже пациентам, которым не помогало никакое терапевтическое лечение, удавалось вылечиться от болезней и меланхолии только благодаря успокаивающему действию молитвы... «Когда мы молимся, мы связываем себя с неисчерпаемой жизненной силой, которая приводит в движение всю Вселенную. Мы молимся, чтобы хотя бы часть этой силы перешла к нам» [23, с. 116];
- регулярно читать книги о жизни Пророка, его сподвижников и мусульманских правителей;
- оказавшись перед дилеммой в разных жизненных ситуациях, читать намаз «Истихара», целью которой является поиск руководства Аллаха. Показана при наличии проблемы, не имеющей очевидного решения, ведь «...в Сунне нашего Пророка (мир ему и благословение Аллаха) есть действительно большой подарок, который помогает разрешать психологические конфликты, – это истихара (молитва для того, чтобы выбрать лучший из двух вариантов)» [20, с. 179];
- размышлять о Благословенных именах Аллаха, думать о Нем как о Любящем, Милосердном и Прощающем грехи [20, с. 162];
- навещать в своем населенном пункте (в период пребывания во Владивостоке) авторитетного мусульманина (имама, религиозного деятеля) и просить его молиться за себя, за пропавшего мужа и подрастающего сына [20, с. 185];

- сохранить уважительные отношения со свекровью. В преданиях сообщается, что однажды Аиша спросила у посланника Аллаха: «Кто из людей имеет самое большое право на мужчину?» И он ответил: «Это его мать!» [24].
- каждый раз, когда возникают грустные мысли, заменять их на положительные духовного содержания. Брать пример с Пророка, читать и размышлять над сурой «Раскрытие» (№ 94) [21].

В момент подготовки статьи София была в Сибири. Она отметила снижение уровня беспокойства, тревожности, улучшение состояния сна, осознание собственной ответственности за свое здоровье, принятие факта неопределенности потери. Свое состояние и эффективность терапевтической работы описала словами одного шейха, оформленными в качестве статуса в ватсапе: «Если Аллах заберет у тебя то, что ты не ожидал потерять, то Он одарит тебя тем, что ты не ожидал приобрести».

Осенью планирует приехать к родным в Ингушетию. По ее словам, о местонахождении мужа никакой информации нет, кроме каких-то косвенных сведений.

Заключение

Родственники пропавших без вести испытывают состояние постоянной тревоги и неопределенности, которое растягивается на долгие годы. Поиск устойчивых ресурсов для восстановления – задача, которая встает как перед клиентом, так и перед психологом. В данном кейсе показано, что этническая и религиозная идентичность являются мощным ресурсом в работе по преодолению последствий травмы. Именно через призму этих идентичностей София интерпретировала себя, воспринимала других и выстраивала свое социальное взаимодействие. Состоявшаяся трансформация по этническому (ингушскому) и религиозному (исламскому) компонентам стала ресурсом для русской женщины.

Литература

1. Дмитриева Н.Ю. *Детская психосоматика. Почему болеют наши дети?* Ростов н/Д.: Феникс; 2016. 153 с.
2. Зотова-Масс Р.А. *Психотерапия деструктивных эмоций. Метод «Арт-ре-транса». Практическое руководство для арттерапевтов и психосоматологов.* М.: Издание книг ком; 2020. 192 с.
3. Колендо-Смирнова А.А. *Как не заблудиться в лабиринте психосоматики, а просто выйти из него!* М.: Вариант; 2019. 128 с.
4. Ганиева Р.Х. *Посттравматический рост – путь исцеления родственников без вести пропавших.* Ростов н/Д.: DSM Group; 2019. 213 с.
5. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. Zanna M.P. (ed.). *Advances in experimental social psychology.* 2007;39:69–126.
6. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: social categorisation and identity process. *Current Direction in Psychological Science.* 2014;23:338–342.
7. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. *Handbook of theories of social psychology.* Vol. 2. Van Lange P. A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (eds). Sage Publications Ltd; 2012, pp. 62–80.
8. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioral consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social.* 2015;30:586–613.
9. Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. *Handbook of gangs.* Decker S.H., Pyrooz D.C. (eds). New York: Wiley-Blackwell; 2015, pp. 136–156.
10. Павлова О.С. Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета. *Монография.* М.: Форум; 2012. 383 с.
11. Яндиев М.А. Об институте невесты как одном из элементов брачной стратегии ингушей. *Сборник научных статей института социальных исследований ИнгГУ.* Под ред. Сампиева И.М. Назрань: Пилигримм; 2008. С. 155–161.
12. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния. *Социологические исследования.* 1995;7:15–21.

13. Яндиева М.Д. *Депортация ингушей. Причины. Обстоятельства. Последствия*. Тбилиси: Поларис Принт; 2012. 587 с.
14. Еремеева О.С. К вопросу о межнациональных браках в СКФО. *Сборник статей 8 Международной конференции. Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа*. Отв. ред. проф. Сампиев И.М. Назрань: Кеп; 2020. С. 197–202.
15. Павлова О.С. *Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета*. М.: Сам Полиграфист; 2013. 558 с.
16. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. *Многоликая Ингушетия*. Сост. Албогачиева М. С-Г. СПб.: Айю; 1998. 167–231.
17. Ибн Абу Шейба. *Аль-Мусаннаф*. Эр-Рияд: Мактаба аль-Рушт; 1988. 563 с.
18. Абд ар-Раззак ас-Санани. *Мусаннаф Абд ар-Раззака*. Эр-Рияд: Мактаба аль-Маариф; 1997. 527 с.
19. Ибн Абд ал-Барр. *Аль-Истизкар*. Бейрут: Дар аль-Кутайба; 1993. 10982 с.
20. Бадри М. *Размышление. Исламское исследование психики и души человека*. Баку: CBS; 2008. 136 с.
21. Аляутдинов Ш.Р. *Священный Коран. Смыслы*. М.: Дия; 2020. 1792 с.
22. *Сахих аль-Бухари*. Т. 1. Дамаск-Бейрут: Дар ибн Касир; 1993. 470 с.
23. Спилка Б., Лэдд К. *Психология молитвы. Научный подход*. Пер. с англ. Гритчина О. Харьков: Гуманитарный центр; 2014. 254 с.
24. Аль-Баззар. *Муснад*. Медина: Дар аль-улюм ва-льхикам; 2009. 9818 с.

References

1. Dmitrieva N.Yu. *Detskaya psikhosomatika. Pochemu boleyut nashi deti?* [Pediatric psychosomatics. Why do our children get sick?]. Rostov-on-Don: Feniks; 2016. 153 p. (In Russian)
2. Zotova-Mass R.A. *Psikhoterapiya destruktivnykh emotsiy. Metod «Art-re-transa»*. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya artterapevtov i psikhosomatologov* [Psychotherapy of destructive emotions. The method of “Art-re-trance”. Practical

guide for art therapists and psychosomatologists]. Moscow: Izdanie knig kom; 2020. 192 p. (In Russian)

3. Kolendo-Smirnova A.A. *Kak ne zabludit'sya v labirinte psikhosomatiki, a prosto vyyti iz nego!* [How not to get lost in the maze of psychosomatics, but just get out of it!]. Moscow: Variant; 2019. 128 p. (In Russian)

4. Ganieva R.Kh. *Posttravmaticheskiy rost – put' istsvleniya rodstvennikov bez vesti propavshikh* [Post-traumatic growth – a way to heal the relatives of the missing]. Rostov-on-Don: DSM Group; 2019. 213 p. (In Russian)

5. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. Zanna M.P. (ed.) *Advances in experimental social psychology*. 2007;39:69–126.

6. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: social categorisation and identity process. *Current Direction in Psychological Science*. 2014;23:338–342.

7. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. *Handbook of theories of social psychology*. Vol. 2. Van Lange P. A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (eds). Sage Publications Ltd; 2012, pp. 62–80.

8. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioral consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*. 2015;30:586–613.

9. Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. *Handbook of gangs*. Decker S.H., Pyrooz D.C. (eds). New York: Wiley-Blackwell; 2015, pp. 136–156.

10. Pavlova O.S. Ingushskiy etnos na sovremennom etape: cherty sotsial'no-psikhologicheskogo portreta [The Ingush ethnos at the present stage: features of a socio-psychological portrait]. *Monografija* [Monograph]. Moscow: Forum; 2012. 383 p. (In Russian)

11. Yandiev M.A. Ob institute nevesty kak odnom iz elementov brachnoy strategii ingushey. [About the bride institute as one of the elements of the Ingush marriage strategy]. *Sbornik nauchnykh statej instituta social'nykh issledovaniy Ingushskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Collection of scientific articles of the Institute for Social Research of the Ingush State University]. Sampiev I.M. (ed.) Nazran: Piligrimm; 2008, pp. 155–161. (In Russian)

12. Topilin A.V. Mezhnatsional'nye sem'i i migratsiya: voprosy vzaimovliyaniya [Interethnic families and migration: issues of mutual influence.]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1995;7:15–21. (In Russian)

13. Yandieva M.D. *Deportatsiya ingushey. Prichiny. Obstoyatel'stva. Posledstviya* [Deportation of the Ingush. The reasons. Circumstances. Effects]. Tbilisi: Polaris Print; 2012. 587 p. (In Russian)

14. Ereemeeva O.S. K voprosu o mezhnatsional'nykh brakakh v SKFO [On the issue of interethnic marriages in the North Caucasus Federal District.]. *Sbornik statey 8 Mezhdunarodnoy konferentsii. Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza* [Collection of articles of the 8th International Conference. Humanitarian and socio-political problems of the modernization of the Caucasus]. Sampiev I.M. (ed.). Nazran: Kep; 2020, pp.197–202. (In Russian)

15. Pavlova O.S. *Chechenskiy etnos segodnya: cherty sotsial'no-psikhologicheskogo portreta* [Chechen Ethnos Today: Features of a Social and Psychological Portrait]. Moscow: Sam Poligrafist; 2013. 558 p. (In Russian)

16. Dalgat B. Materialy po obychnomu pravu ingushey [Materials on the customary law of the Ingush]. *Mnogolikaja Ingushetija* [The many faces of Ingushetia]. Albogachieva M.S-G. (ed.). St. Petersburg: AJU; 1998. 304 p. (In Russian)

17. Ibn Abu Sheiba. *Al'-Musannaf*. Er-Riyad: Maktaba al-Rusht; 1988. 563 p. (In Arabic)

18. Abd ar-Razzak as-Sanani. *Mucannaf Abd ar-Razzaka*. Er-Riyad, Maktaba al-Rusht; 1997. 527 p. (In Arabic)

19. Ibn Abd al-Barr. *Al'-Istizkar*. Beirut: Dar al'-Kutajba; 1993. 10982 p. (In Arabic)

20. Badri M. *Razmyshlenie. Islamskoe issledovanie psihiki i dushi cheloveka* [Reflection. Islamic study of human psyche and soul.]. Baku: CBS; 2008. 136 p. (In Russian)

21. Alyautdinov Sh.R. *Svyashchenny Koran. Smysly* [The Holy Quran. Meanings]. Moscow: Dilya; 2020. 1792 p. (In Russian)

Ганиева Р.Х.
**Этническая и религиозная идентичность как ресурсы
клиента в работе с психологом**

22. *Sakhikh al'-Bukhari*. Vol. 1. Damask-Beirut: Dar ibn Kasir; 1993. 470 p.
(In Arabic)

23. Spilka B., Ledd K. *Psikhologiya molitvy. Nauchnyy podkhod* [The psychology of prayer. Scientific approach]. Gritchina O. (tr.). Harkov: Gumanitarnyi centr; 2014. 254 p. (In Russian)

24. Al-Bazzar. *Musnad*. Medina: Dar al-ulium va-l-hikam; 2009. 9818 p.
(In Arabic)

Информация об авторе

Ганиева Роза Хаматхановна, кандидат психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, старший научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Ахриева, директор Центра психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Магас, Российская Федерация.

About the author

Rosa Kh. Ganieva, Cand. Sci. (Psychology), Full Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia, Senior Researcher at the Department of Ethnology in Ingush Research Institute of Humanities after Ch. Ahriev, Director of the Center for Psychological Assistance and Psychological Post-crisis Rehabilitation, Member of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Magas, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конflikте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 марта 2021
Одобрена рецензентами: 04 апреля 2021
Принята к публикации: 21 апреля 2021

Article info

Received: March 12, 2021
Reviewed: April 04, 2021
Accepted: April 21, 2021